

Валерий Мартыненко

ВАСИЛЬКОВЫЙ, ТИХИЙ ЗВОН

ДЕД

*Светлой памяти деда –
Спиридона Афанасьевича
Барнаша*

Из далёкого детства,
Где меня уже нет,
Мне достался в наследство
Деда мудрый завет.

Говорил, будто клялся,
Прямо в глаз, а не в бровь:
«Не спеши похваляться,
Сделав людям добро!

Пусть другие похвалят
И за ум, и за труд».
Спиридон – деда звали
Был суров он и крут.

Драл нас за уши часто,
Непослушных внучат.
И за нас огорчался,
И учил, горячась.

«Береги платье с нову,
С детства честь береги,
Чтут за стыд, не за норов
И друзья, и враги».

До горячего пота,
До отчаянных слёз
Дед учил нас работать
Не на шутку – всерьёз.

Сам за что бы ни взялся –
Все кипит и поёт.
«Тот, кто рано поднялся,
Тому Бог подаёт».

ПАМЯТЬ

*Памяти отца,
Николая Ивановича Мартыненко,
механика-водителя танка Т-34*

Не задует ветер Вечного огня,
Время не сотрет людскую память.
До сих пор хранится у меня
Тот конверт с потёртыми листками.

То письмо прислал отец с войны.
Молодой тогда, двадцатилетний,
Для деревни всей и для родных,
Уходя в свой бой, но не в последний.

С трепетом держу его в руках:
Вот она – война перед глазами,
Дышит мне в лицо издалека,
Чёрной гарью в душу мне вгрызаясь.

Не твоих шагов – чужих хруст,
 Не твоей души – моей боль.
 Не твоя печаль – моя грусть,
 На ресницах, на губах – соль.

Не следы легли – судьбы грань
 Между «быть или не быть»,
 «да» и «нет».

Не луна горит, а льёт бра
 На меня печальный свой свет.

Протяну свою ладонь, что ж –
 Неизменен бытия круг.
 Снег сегодня – завтра вновь дождь,
 Враг сегодня – завтра вновь друг.

Не замедлить, не прервать бег,
 Легче просто оборвать нить.
 Но трудней, чем рисовать снег,
 Начинать опять с нуля жить.

Залетит в моё окно свет,
 И растает на стекле лёд.
 Не вернуть нам то, чего нет,
 Да и снег занёс и выход, и вход.

Ах, какой густой валит снег!
 Не то вверх скользит, не то вниз.
 Без тебя прошёл не год – век,
 А с тобой прошла как ночь – жизнь.

* * *

Над лазоревой степью
 седые плывут облака,
 Разливается день
 в шаныраках
 по юртам аула.
 Заревая река серебрится,
 теряясь в песках,
 Как скупая слеза
 на коричневых скулах Джамбула.

Моя Родина дышит
 целебную силою трав
 И напевом домбры
 в неподдельной гармонии с миром.

Ты была мне невестой
 и спутницей жизни, домбра,
 Ты из детства пришла ко мне
 нежной и звонкою Лирой.

Моя Родина – здесь,
 где протопали ноги мои,
 Где деревья мои:
 тополя, и берёзы, и клёны.

Здесь в объятья меня принимали
 Иргиз и Уил,
 Здесь дарил мне сентябрь
 кареглазые гроздьё паслёна.

Ворвались в мои волосы густо
 твои ковыли,

Неуёмное сердце
 стреножили рыжие кони,
 И осеннюю грусть
 заплели в мою кровь журавли,
 Заразила байга
 обещающим ветром погони.

Я душою прирос к твоим кюям,
 казахская степь!

Видит Бог, не лукавлю,
 а льстить как-то мне не пристало.
 Дед, отец, бабка, дочь здесь
 в свою окунулись постель,
 Навсегда с головою накрывшись
 твоим одеялом.

Над полынною степью
 седые плывут облака,
 Возвращая меня в моё детство
 всё чаще и чаще.

Я шальным жеребенком
 жайляу твои проскакал
 Так, что сердце поёт до сих пор,
 замирая от счастья.

Ты прости меня, степь,
 что и я тебя тоже покину,
 Если не по своей –
 то уж точно по чьей-то вине...

Не увижу уже над собой
 журавлиного клина
 Никогда наяву,
 никогда в навалившемся сне.

* * *

В камышах знойным летним вечером
 Ветер сонно закрыл глаза.
 Над водой зашуршала веером
 Пучеглазая стрекоза.

Как младенцы, сопя зачмокали
 Ненасытные караси.
 За высоким, густым осокодем
 Солнца спрятался апельсин.

Поплавок то вздрогнет разбуженно,
 То, зевая, опять замрет.
 Облаков разноцветных кружево
 По вечерней заре плывет.

Лодка птиц с тонкими крыльями
 Разбудила синь озера.
 Молчаливо кувшинки, лилии
 Закрывают на ключ сердца.

У костра соберёмся позднего
 За ухой, под взглядом луны,
 Наблюдать, как за звёздной роздымью
 Запеваёт хор тишины.

* * *

Лето скатилось, как с горки,
 Пыль за собою клубя.
 Дождь за оконною шторкой
 Мне вдруг напомнил тебя.

Ветер еще одну осень
 Нарисовал впопыхах,
 Желтым мазком на берёзе,
 Бронзовым – на тополях.

Возле границы межцвелья
 Золота и серебра
 Зреет как вздох междометьев –
 Вечная грусть для пера.

Запах антоновских яблок!..
 В небе косяк журавлей
 Строчкой короткого ямба
 Взмыл над печалью полей.

Ты в эту пору любила
 Долго смотреть из окна
 В сад, где краснела рябина,
 Лето пытаюсь догнать.

ДЕТСТВО

Наблюдал отрешённо
 В летний солнечный день,
 Как скользил лягушонок
 По зелёной воде.
 Не спеша, как спросонку,
 Сбросил всё на траву
 И поплыл к нему, звонко,
 Расплескав синеву,
 Брызг весёлую россыпь,
 Звёзды детского сна.
 Словно пляска по плёсу
 Разбежалась волна.
 И под музыку пульса,
 Сходу вдруг напрямик
 Снова в детство вернулся
 И губами приник
 К той задымленной дали,
 Где колодезный скрип,
 Где на стенах играли
 Блики огненных рыб.

Вспомнил деда у хаты
 И с краюхой суму.
 Звал он нас: «Лягушата».
 Расскажу почему.

Чуть заря заиграет,
 С братом мы налегке
 Убегали дворами
 К нашей милой реке.
 До вечернего звона
 И до звона в ушах
 Жили мы по закону
 Озорных лягушат.

Пробираюсь по следу,
 Память сжав, как хомут.
 Чем я дальше от деда, –
 Тем всё ближе к нему.

Кашей дедовской пшённой
 До сих пор дорожу.
 Стал седым «лягушонок» –
 Но плыву, но держусь.
 Не ропщу и не плачу,
 Если жизнь гнёт в дугу,
 Ну а жизнь «лягушачью»
 Я в себе берегу,

Как письмо дорогое –
 Дивный сказочный миг,
 От которого вдвое
 Добрым видится мир.
 Катит солнце большое
 В синеве до краёв
 На песке лягушонком
 Скачет детство моё.

* * *

Над окошком месяц
 Под окошком ветер.

Сергей Есенин

На берёзу вечер
 Повязал косынку,
 Всех шелков покрепче,
 Легче паутинки.

Ей идут наряды,
 Ей к лицу серёжки.
 Жаль, вот только рядом
 Нет её Серёжки.

Под тальянку спел бы
 И обнял бы крепко.
 Сплетничали б вербы,
 Наклоняя ветки.

Русый и кудрявый,
 В ситцевой сорочке,
 По росистым травам
 Собирал бы строчки.

О родном просторе,
 Развесёло-грустном,
 Что поет и стонет,
 И зовется Русью.

Ветер гнет берёзу.
 Матушке-землице
 Лишь осталось слёзно
 В пояс поклониться.
 Нежному такому,
 Озорному сыну...
 Вспыхнул звёздный омут
 Над костром рябины.

А с крестьянской хаты,
 Золотой подковой
 Месяц конопатый
 Влез на колокольню.

Друга ждёт – поэта,
 Хмурый, хмелеватый,
 Словно перед кем-то,
 В чём-то виноватый.

* * *

Серияку Жанадиллову

На вечерней заре розовой облака,
 И румянее даль небосклона,
 Легче шум ветерка и весомей строка,
 Вдруг слетевшая с ветки зелёной.

Догорает свеча утомлённого дня,
 И на всём – предвкушенье покоя.
 Скоро сети развешает ночь – западня
 И в ночное умчат меня кони.

Сколько ни пью –
 не напьюсь тишины допьяна
 С хмелем трав, настоявшихся в росах.
 Дремлет степь моя, засеребрилась луна,
 В ковылях распустив свои косы.

Мои резвые годы разлук и надежд
 Пронеслись в один миг, словно действие.
 А в овраге родник так прозорчист и свеж,
 В нём моё отражается детство.

Отыскал на земле я потерянный рай,
 Тот, где пели эдемские птицы –
 Это – вольная степь, и кобыз, и домбра.
 Край, в который нельзя не влюбиться.

* * *

Поднимусь до петухов, рано,
 За околицу пойду, в чисто поле,
 Встретить зорьку
 в сарафане шафрановом,
 Ох, давнёхонько был с ней –
 ой ли, помнит?

Тихо всё, ни одного звука,
 Тут подумать бы о чём-то о вечном;
 То почёсывая лоб, то за ухом:
 «Для чего пришел в сей мир, человеке?»

Запечалилась душа-горемыка,
 Вспоминая сразу всё ненароком:
 Окаянное бы лихо размыкать,
 Горе-горькое в родимой сторонке.
 Не туда ты повернула оглобли;
 Потеряла и дорогу, и волю,
 Родники позаросли и колодцы,
 Были люди,
 а теперь всюду – волки.

Где та дедовская Русь да отцова?..
 Золотою не откликнется рыбкай...
 У Есенина ей да у Кольцова
 Оставаться и высокой, и глыбкой,
 И берёзовой. Да разве порушишь
 Красоту, которой нету пригожей?
 Я люблю тебя за русскую душу.
 Да храни её, храни её, Боже!

Вот пожалился заре-зарянице,
 Покручинился и с речкой, и с полем.
 Упаду в траву, и будет мне сниться
 Васильковый, тихий звон колокольный.

* * *

Гуси-лебеди полетели
 На чужие травы-хлеба.
 Значит, скоро придут метели,
 Запоёт, задымит изба.

Кот растянется на лежанке,
 На столе пироги и хлеб.
 А поутру наладят санки
 С первопутком скрипучий след.

И по легкому, по морозцу,
 Взяв ружьишко, пойду искать
 Клюкву-ягоду и морошку –
 В эту пору она сладка.

Не охотник я и без нужды
 Не посмею губить зверья,
 Как и в детстве со стужей в дружбе,
 Поднимусь на высокий яр.

Всё увижу окрест: о, Боже...
 И останусь стоять немой.
 Нет на свете красы пригожей,
 Чем деревня моя зимой.

Валерий Мартыненко родился 22 июня 1955 года в г. Актюбинске. Окончил педагогический институт. Служил в армии, в танковых войсках, работал секретарем в комитете комсомола треста «Актюбстрой», а также преподавателем русского языка и литературы в школе. С 1993 года инвалид I-й группы по зрению, незрячий. Стихи начал писать в девятом классе, ученик Константина Ивановича Деркаченко (1903–1980 гг.). Издал сборники стихов: «Костер на снегу», «Ветер надежды», «Однажды и на всю жизнь», «Журавлиная печаль», «Колокольный звон», «По велению сердца», «Все как есть». Печатается на страницах газеты «Актюбинский вестник».

